

П. Генифе
Высшая школа социальных
исследований (Париж)

НАПОЛЕОН КАК ПИСАТЕЛЬ

Молодой Наполеон читал беспорядочно, но методично: он исписывал целые страницы заметок и извлечений из прочитанных книг. Впоследствии он мог воспользоваться своими заметками для составления коротких очерков и рассказов. Подобно многим просвещенным современником, случалось ему и страдать от «юношеской графомании». Однако в его ранних текстах, которых набирается целый том, нет ни следа той лаконичности и точности, что отличает стиль позднего Наполеона. Он был таким же «бумагомарателем», как и большинство образованных молодых людей его времени. Даже не стремясь завоевать славу при помощи своего пера, они все равно не могли удержаться от написания текстов, одновременно отдававших школярством и пафосом эпохи, любившей филантропию, сентиментальность и многословие. Настоящим писателем Наполеон стал в тот момент, когда он прекратил мечтать о писательстве. Писателем его сделала не литература, но война. Продиктованные им приказы и письма отмечены настоящим литературным вдохновением. Тексты Бонапарта стали частью большой литературы лишь тогда, когда он отбросил перо и стал диктовать: в его случае наблюдалась теснейшая связь между литературными способностями и военными, либо политическими действиями. Истинным литературным шедевром Наполеона являются его сорок тысяч писем – неотъемлемая часть его деятельности, показывающая, как он составлял планы, принимал решения, руководил исполнением и наблюдал за результатами. Молодой Бонапарт был «автором» или хотел быть таковым, но потом деятельность увлекла его в полет на своих крыльях; именно действуя и благодаря деятельности он стал Писателем.

Ключевые слова: история, Франция, Наполеон Бонапарт, литература, источники

Цитирование: *Генифе П.* Наполеон как писатель. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-227-265 // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 227-265.

Поступила в редакцию: 15.08.2020

Принята к печати: 05.05.2021

Patrice Gueniffey
L'École des hautes études
en sciences sociales

NAPOLEON AS A WRITER

The young Napoleon read randomly, but methodically: he filled entire pages of notes and extracts from the books he read. Subsequently, he could use his notes to compose short essays and short stories. Like many enlightened contemporaries, he also happened to suffer from "youthful graphomania". However, in his early texts, of which a whole volume is typed, there is not a trace of that conciseness and accuracy that distinguishes the style of the late Napoleon. He was the same "scribbler" as most of the educated young people of his time. Even without trying to win fame with the help of their pen, they still could not resist writing texts that simultaneously smacked of schoolboyism and the pathos of an era that loved philanthropy, sentimentality and verbosity. Napoleon became a real writer at the moment when he stopped dreaming about writing. It was not literature that made him a writer, but the war. The orders and letters dictated by him are marked by real literary inspiration. Bonaparte's texts became part of great literature only when he threw down his pen and began to dictate; in his case, there was a close connection between literary abilities and military or political actions. The true literary masterpiece of Napoleon is his forty thousand letters – an integral part of his activity, showing how he made plans, made decisions, supervised the execution, and observed the results. The young Bonaparte was an "author" or wanted to be one, but then his activity carried him away on its wings; it was by acting and thanks to activity that he became a Writer.

Keywords: history, France, Napoleon Bonaparte, literature, sources

Citation: Gueniffey, P. (2021). Napoleon kak pisatel' [Napoleon as a writer]. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-227-265. *Annual of French Studies* 2021, vol. 54, p. 227-265.

Так повелось во Франции, что политика и война неотделимы от литературы – еще со времен «Политического завещания» Ришелье, «Мемуаров» Людовика XIV и «Теории военного искусства» Морица Саксонского. Французские военные и политические деятели пишут, это в порядке вещей. Многие из них оставили след в истории литературы, особенно в XIX в., но и в XX столетии эта

традиция не прервалась. На смену Гизо и Тьеру пришли Лиоте, Жорес, Клемансо и Шарль де Голль. Мы не будем перечислять их всех – список был бы слишком длинным.

В 1935 г. Наполеон вошел в литературный пантеон библиотеки Пляяды как автор «Мемориала Святой Елены»¹. Книга Лас Каза увидела свет в 1823 г., и почти одновременно с ней были опубликованы «Мемуары Наполеона»². Это произведение настолько малоизвестно, что его нередко путают с «Мемориалом». Шесть томов «Мемуаров» были продиктованы Наполеоном, а затем вычитаны им и собственноручно исправлены. Император уже давно задумывался о том, чтобы написать или, вернее, продиктовать мемуары. Он сказал об этом в Фонтенбло, прощаясь со своей гвардией: «Если я согласился выжить, – сказал он им, – то лишь для того, чтобы послужить еще вашей славе. Я хочу написать о великих делах, которые мы свершали вместе с вами». Прибыв на остров Эльбу, он потребовал собрать «все бюллетени его итальянских походов, чтобы написать его военную историю»³. Но этот проект вскоре забылся, поскольку в 1814 г. политическая карьера Наполеона еще не была окончена. Эта печальная глава его жизни не осталась без продолжения. Наполеон вернулся к мысли о мемуарах после поражения при Ватерлоо. Он еще не знал, где он окажется, но понимал, что на этот раз возвращения не будет. Время действовать миновало, пришел час рассказывать свою историю. Чтобы это было сподручнее делать, Наполеон, еще не находившийся в английском плену, запросил у Палаты представителей две тысячи томов Трианонской библиотеки – и получил разрешение взять их в свое изгнание⁴. Ящики с книгами доберутся до острова Св. Елены лишь через год, но Наполеон, оказавшись на борту «Нортумберленда», немедленно начнет рассказывать товарищам по несчастью свою жизнь. Неизвестно, сам ли он пришел к этой мысли или ему ее подсказал Лас Каз, но Наполеон начал диктовать свои «Мемуары», когда корабль находился еще вдали от острова Св. Елены. Помимо прочего, это занятие помогало ему и его спутникам скоротать долгие часы и дни сначала на корабле, а затем на Св. Елене, этом

¹ В издании, подготовленном Жераром Вальтером, с предисловием Андре Моруа.

² *Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène, par les généraux qui ont partagé sa captivité et publiés sur les manuscrits entièrement corrigés de la main de Napoléon.* P., 1823-1825. 6 vol.

³ *Tomiche N. Napoléon écrivain.* P., 1952. P. 237.

⁴ См. предисловие Жана Прево: *Prévost J. Introduction // Las Cases E de. Mémorial de Sainte-Hélène.* P., 1956. T. 1. P. XVIII.

камне, продуваемом ветрами и мокром от дождей. Как Лас Каз общает в своем «Мемориале», в момент отплытия «Беллерофона» от английских берегов он сказал Наполеону: «Мы будем жить прошлым: оно достаточно богато для этого». «Ну что ж, – отвечал император, – мы будем писать мемуары. Да, придется потрудиться; труд – это тоже серп времени»⁵.

Диктовка мемуаров заняла много месяцев:

«В первом продиктованном им варианте он просто делился воспоминаниями, без обдумывания, бессистемно; и нельзя было указывать ему на путаность или непоследовательность его слов, потому что полет его мысли немедленно останавливался как часы, у которых сломали главную пружину. Надо было любой ценой записывать так быстро, как он говорил, никогда не заставляя его повторять даже слово. Часто так проходило много часов: он диктовал воспоминания о своих войнах и о главных событиях своего правления. Диктуя второй вариант, он опирался на беловик первого, а переписанный начисто второй вариант становился черновиком для его собственной работы»⁶.

Он мог переделывать текст трижды, четырежды, иногда большее количество раз⁷. Иногда к диктовке добавлялось чтение: Монтолон излагал на бумаге комментарии Наполеона к документам, которые читал Гурго. Наполеон мог диктовать свои воспоминания днем и ночью. Просыпаясь ночью – а он мог просыпаться множество раз – он звал к себе Лас Каза или Гурго⁸. Но он так и не окончил свой труд. В 1816 г. диктовки стали более редкими, а потом и вовсе прекратились. Прогрессирующая болезнь, от которой страдал Наполеон, отвлекала его от работы. Его депрессия тоже становилась все глубже. «Наполеон уже не тот, – заметил в 1819 г. Монтолон, – большую часть своего времени он проводит в кровати». Его преследовала бессонница, и по ночам он открывал десятки книг, только чтобы сразу же закрыть их – утром эти книги находили рядом с его постелью⁹. Главы, посвященные Тулону, итальянскому и египетскому походам, брюмеру, Ста дням и битве при Ватерлоо, были переписаны на чистовик, но с 1800 по 1814 г., с начала консульства и до Эльбы, зияла огромная дыра. Ни слова он

⁵ *Las Cases E de. Mémorial de Sainte-Hélène*. P., 2017. P. 69-70.

⁶ *Montholon Ch. de. Récits de la captivité de l'empereur Napoléon à Sainte-Hélène*. P., 1846. T. 1. P. 231.

⁷ *Tomiche N. Op. cit.* P. 243.

⁸ *Ibid.* P. 71.

⁹ *Vial Ch-É. Napoléon à Sainte-Hélène, l'encre de l'exil*. P., 2018. P. 205-206.

не сказал о годах своей славы. Впрочем, забвение, выпавшее на долю мемуаров Наполеона, объясняется отнюдь не только их незавершенностью. Эти воспоминания писались как мемуары государственного деятеля. Они были призваны осветить великие достижения полководца и императора и проанализировать обстоятельства, в которых он оказывался в разные периоды своей жизни: в них не было места истории семьи Наполеона и событиям его молодости, о которых он так часто с удовольствием вспоминал. В этих «Мемуарах» не хватало красочного и занимательного. И даже сам Наполеон стал в них каким-то бесцветным. А ведь что завлекало читателей в многочисленных воспоминаниях деятелей эпохи Империи? Именно яркие разоблачения, анекдоты, как будто показывавшие обратную сторону вещей и открывавшие тайные пружины происходившего. Всем были интересны мелкие причины, повлекшие за собой великие изменения, а «Мемуары» императора говорили лишь о масштабном. Понятно, почему «Мемуары» никогда не могли сравниться по популярности с «Мемориалом» и лишь недавно были впервые переизданы¹⁰.

Впрочем, были и у них пылкие почитатели. Тьер восхищался воспоминаниями Наполеона, а Сент-Бёв даже считал их «одним из памятников французского гения»¹¹. Некоторые их страницы достойны Тацита (которого Наполеон до такой степени не любил, что в 1806 г. опубликовал в *Journal des débats* длинный текст, посвященный его недостаткам как историка¹²): в первую очередь мне приходит на ум замечательный рассказ о Египетском походе, восхищавший как Тьера, так и Сент-Бёва, а также первые страницы главы, посвященной брюмеру:

«Когда в коридорах власти царит достойная сожаления слабость и бесконечная изменчивость; когда правители, раз за разом поддаваясь влиянию противоположных партий, живя сегодняшним днем, не имея плана на будущее, не зная, как двигаться вперед, показывают все свое ничтожество так, что даже самые умеренные граждане вынуждены признать, что государство осталось без управления; когда,

¹⁰ Трехтомное издание «Мемуаров» Наполеона было опубликовано Тьерри Ленцем. О написании этих «Мемуаров» см.: *Lentz Th. Introduction // Mémoires de Napoléon. P., 2010. Vol. 1. P. 27.*

¹¹ См. его рецензию на «Египетскую и сирийскую кампании» (1849 г.): *Sainte-Beuve Ch. A. Causeries du lundi. P., 1858. T. 1. P. 179-198.* Тьер посвятил «Мемуарам Наполеона» длинную статью в своей газете *Le National* от 24 июня 1830 г.

¹² Эта неподписанная статья, опубликованная в газете от 11 февраля 1806 г., воспроизведена в: *Périer A. Napoléon journaliste. P., 1918. P. 308-318.*

наконец, правительство присовокупляет к своему внутреннему ничтожеству тягчайший порок в глазах гордого народа, а именно внешнее убожество, во всем обществе распространяется смутное беспокойство, его волнует потребность в самосохранении, и, обращая взоры к себе самому, общество, кажется, ищет человека, способного его спасти. В любой многочисленной нации найдется такой ангел-хранитель; но иногда он появляется не сразу. В самом деле, недостаточно, чтобы такой человек существовал, надо, чтобы его знали; надо, чтобы он сам себя знал. <...> Если этот спаситель, которого ждут с таким нетерпением, даст о себе знать, нация узнает его и призвет, все преграды рухнут перед ним, и весь великий народ устремится ему навстречу, как бы говоря: «Вот он!»¹³.

Потомки не согласились с хвалебными отзывами. Мемуары Наполеона были заклеены как слишком напыщенные, слишком отредактированные, слишком сильно подражающие классическим авторам, одним словом, лишённые «яркости» и «зажигательного стиля» писем и прокламаций императора¹⁴. Монумент оказался грандиозным, но холодным, не отдающим должного страстной душе Наполеона. Если бы эти тексты были единственным источником наших знаний об императоре, мы бы легко согласились с госпожой де Сталь, что его душа была огромной ледяной пустыней, в которой никогда не было места ни одному чувству¹⁵. Ничто в этих мемуарах не свидетельствует о «самом могущественном дуновении жизни, когда-либо одухотворявшем человеческую глину»¹⁶ или о состоянии «постоянного сияния», которое так впечатлило Гёте при встрече с Наполеоном¹⁷. Даже сам Наполеон это почувствовал. Он обвинил во всем переписчиков и потребовал, чтобы рукопись отправили на редакцию поэту Арно¹⁸. Одной из причин незавершенности мемуаров стало то, что на этот раз он не смог найти правильный тон.

Главное произведение, написанное на Св. Елене – не «Мемуары», а «Мемориал Святой Елены», в котором Лас Каз собрал разрозненные высказывания Наполеона и рассказал про мельчайшие

¹³ *Correspondance de Napoléon Ier publiée par ordre de l'empereur Napoléon III.* P., 1869. Т. 30. P. 303.

¹⁴ *Tulard J.* Introduction // *Œuvres littéraires et écrits militaires de Napoléon.* P., 2001. Т. 1. P. 22.

¹⁵ *Staël G. de.* *Considérations sur les principaux événements de la Révolution française.* P., 1983. P. 338-339.

¹⁶ *Chateaubriand F.-R. de.* *Mémoires d'outre-tombe.* P., 1997. Т. 1. P. 1568.

¹⁷ *Goethe J. W. von.* *Conversations avec Eckermann.* P., 1988. P. 550.

¹⁸ *Martin A.* *Napoléon écrivain, histoire d'une ambition manquée.* Toulouse, 2003. P. 136-141.

подробности его изгнания и бесконечную войну, которую он вел с Хадсоном Лоу, Гурго, Монтолон, Бертран, Маршан, врачи Антон-марки и О'Меара тоже оставили воспоминания или дневниковые записи¹⁹. Но ничто не может сравниться с «Мемориалом». В этой книге чувствуется дыхание жизни. Жан-Поль Кауфман не ошибся: книга столь хороша благодаря своей разрозненности, внезапным скачкам в пространстве и времени, блужданию по лабиринту жизни слишком богатой, слишком разнообразной, слишком удивительной, чтобы ее можно было загнать в прокрустово ложе хронологии. Это «погоня за сокровищем», «ребус, который побежденный пытается разгадать при помощи игры с памятью²⁰». Лас Каз позволил беспорядочности воспоминаний подчинить себе его произведение²¹. По словам Стендаля, великим достоинством бывшего камергера императора было то, что он «не примешивал к Наполеону Лас Каза»²². Книга вышла в 1823 г., значительно раньше, чем книги конкурентов Лас Каза, и стала первой вестью, исшедшей как бы непосредственно от узника далекого острова, за исключением опубликованной в 1817 г. фальшивки – «Рукописи, неизвестным образом пришедшей со Святой Елены»²³. Это был голос из загробного мира. Более того, Лас Каз нарисовал именно такого Наполеона, к которому было готово общество: революционного генерала, который завоевал Европу, а затем утратил ее и провел последние годы жизни, отстаивая либеральные идеи. Именно под пером этого аристократа, вставшего на сторону императора, но не переставшего быть роялистом, родился тот «народный Наполеон», которого любил Бальзак; именно благодаря ему общество узнало о тяготах изгнания, выпавшего на долю императора, и родился миф о маленьком капрале, ставшем закованным Прометеем. Ни Маршан, ни Гурго, ни Бертран не могли

¹⁹ О свидетелях заточения Наполеона на острове св. Елены см. недавнее исследование Жака Журкена: *Jourquin J. Ecrire à Sainte-Hélène // Napoléon à Sainte-Hélène. La conquête de la mémoire. Catalogue de l'exposition.* P., 2016. P. 76-82.

²⁰ *Kauffmann J.-P. La Chambre noire de Longwood.* P., 1997. P. 140.

²¹ См. биографию этого теневого писателя за авторством Жана-Пьера Гобера: *Gaubert J.-P. Las Cases, l'abeille de Napoléon.* Carbonne, 2003.

²² Заметка, оставленная Стендалем на обложке первого тома издания 1830 г.: «Г-н де Лас К. совершенно лишен ума. Тем лучше, тем стократно лучше. Он не примешивает к Наполеону Лас Каза». *Boyer F. Stendhal et les historiens de Napoléon // Éditions du Stendhal-Club (1922-1935).* Genève, 1998. P. 4.

²³ «Рукопись, пришедшая со Святой Елены», запрещенная французским правительством, вскоре была переиздана в Бельгии и в Германии и продолжала ходить по Франции уже нелегально. Первое французское издание было опубликовано в 1821 г., за два года до «Мемориала» Лас Каза. Вскоре стало ясно, что рукопись сфабрикована. Достоверно идентифицировать авторов фальшивки не удалось.

соперничать с Лас Казом – возможно, они были более *правдивы* как свидетели, но вместе с тем они были и более заурядны. Для многих книга Лас Каза стала Евангелием нового века²⁴. Вспомним Жюльена Сореля: «И украдкой он горестно поглядел на ручей, куда упала его книга, – это была его самая любимая книга: “Мемориал Святой Елены”»²⁵. Творение пожрало своего творца. Лас Каз стал названием книги, автором которой был... никто иной, как сам Наполеон.

* * *

Литература не была для Наполеона всего лишь досугом узника, переставшего быть историческим деятелем. Во-первых, в своих разговорах с близкими он отстаивал «либеральные идеи». Он отнюдь не зарекомендовал себя сторонником этих идей, когда сам находился у власти, но он знал, что либерализм – наследие Французской революции – может подорвать легитимность монархий, одолевших Наполеона в 1814 г. и в 1815 г.²⁶ Во-вторых, чтение и письмо всегда играли важнейшую роль в его жизни, столь полной событий, от самого ее начала и до самого конца. История, философия, политика, романы – библиотека Наполеона на Св. Елене насчитывала 3583 тома²⁷. Находясь у власти, он следил за тем, чтобы в каждом из его дворцов была библиотека²⁸. В Мальмезоне, построенном в эпоху Консульства, по-видимому, насчитывалось от пяти до шести тысяч томов, и каждый раз, отправляясь в поход, Наполеон лично отдавал распоряжения о составе «переносной библиотеки», которую он брал с собой. Например, он лично составил список книг, которые желал взять с собой в Египет, и даже разбил их на рубрики: «1) Науки и искусства; 2) География и путешествия; 3) История; 4) Поэзия; 5) Романы; 6) Политика и мораль»²⁹. В июле

²⁴ О «блистательном успехе "Мемориала"» см. предисловие к последнему изданию: *Las Cases E de. Mémoires de Sainte-Hélène*. P., 2017. P. 8-10.

²⁵ *Стендаль Ф.* Красное и черное. Кн. I. Гл. 4.

²⁶ См., например, то, что он сказал Лас Казу 10 апреля 1816 г. о «непреодолимом и растущем влиянии либеральных идей». *Las Cases E de. Mémoires de Sainte-Hélène*. P., 1951. Т. 1. P. 495-496. (эта фраза отсутствует в более позднем издании Фонда Наполеона).

²⁷ *Vial Ch-É.* Op. cit. P. 209. См., под датой 22 июня 1816 г., радость Наполеона, когда прибыли 450 томов, заказанные месяцами раньше в Англии: «Император сам принимал участие в работе [распаковке книг] и, судя по всему, был очень доволен этим занятием». *Las Cases E de. Mémoires de Sainte-Hélène*. P., 2017. P. 536.

²⁸ Библиотеки Тюильри, Трианона, Компьеня, Рамбуи, Сен-Клу и Фонтенбло в общей сложности, по-видимому, насчитывали около 50 тысяч томов. – *Guillois A. Les Bibliothèques particulières de l'empereur Napoléon*. P., 1900. P. 9.

²⁹ *Correspondance de Napoléon Ier. Lettre n° 2458 (28 mars 1798)*. Т. 4. P. 27-28; *Bourrienne L.-A. de. Mémoires*. P., 1831. Т. 2. P. 49-52.

1808 г., прежде чем покинуть Байонну, где он добился отречения испанских Бурбонов от трона, Наполеон отдал очень точные инструкции по поводу «переносной библиотеки» в тысячу томов – «маленьких in-12°, напечатанных красивым шрифтом», которые он желал иметь с собой во время военных походов или передвижений:

«Намерение Его Величества состоит в том, чтобы напечатать эти произведения для его личного пользования без полей, чтобы зря не тратить бумагу. Каждый том должен насчитывать от пятисот до шестисот страниц, быть в подвижном переплете и с максимально тонкой обложкой. Эта библиотека будет включать в себя примерно сорок томов религиозных произведений, сорок томов эпических произведений, сорок томов пьес, шестьдесят томов поэзии, сто томов романов и шестьдесят томов исторических произведений. Остальные книги (общее число должно составлять тысячу томов) будут представлять собой исторические мемуары всех времен.

Религиозные произведения будут включать в себя Ветхий и Новый Завет, в лучших переводах, несколько посланий и других важнейших произведений за авторством отцов Церкви; Коран; мифологию, ряд избранных сочинений о сектах, сыгравших наибольшую роль в истории, например арианах, кальвинистах, реформатах и др.; историю Церкви, если она поместится в число томов, отведенных на религиозные произведения.

Эпические произведения будут включать в себя творения Гомера, Лукана, Тассо, “Телемаха”, “Генриаду” и др.

Трагедии: из Корнеля только то, что выдержало испытание временем, из Расина не брать “Братьев-врагов”, “Александра” и “Сутяг”; из Кребийона – только “Радамиста” и “Атрея и Фиеста”, из Вольтера – только то, что выдержало испытание временем.

История: включить несколько хороших трудов по хронологии, главные труды древних, то, что позволит детально ознакомиться с историей Франции. Можно включить сюда рассуждения Макиавелли о Тите Ливии, “Дух законов”, “Размышление о причинах величия и падения римлян” и что разумно будет сохранить из исторических трудов Вольтера.

Романы: “Новая Элоиза” и “Исповедь” Руссо. Я не упоминаю шедевры Филдинга, Ричардсона, Лесажа и т.д., которые, конечно, найдут себе место в библиотеке; повести Вольтера.

ЗАМЕЧАНИЕ: Не надо включать ни “Эмиля” Руссо, ни множество бесполезных его писем, эссе, рассуждений и сочинений; то же самое касается и Вольтера³⁰».

³⁰ Correspondance de Napoléon Ier. Lettre n° 14207. T. 17. P. 399-400.

Меневаль сообщает, что «осуществлению этого проекта мешали необходимость выполнять переводы, промедления и дороговизна»³¹; но уже на следующий год были сделаны небольшие переносные книжные шкафы, в которых можно было расположить все книги по жанрам³². Наполеон посвящал чтению каждую свободную минуту. Проснувшись и просмотрев свежие газеты, он брал в руки роман, и, если этот роман ему не нравился, бросал его прямо в огонь³³. Так же он поступал и читая в карете: «Если книга ему не нравилась, он выбрасывал ее из кареты»³⁴. Но не следует делать из этого вывод о его неуважении к книгам. О том, как важны были для него книги, свидетельствует одна из статей его завещания. Вместо того, чтобы передать библиотеку сыну целиком, как делали в то время многие, он пожелал, чтобы его новый библиотекарь, мамлюк Али, выбрал «четыреста томов из тех, что больше всегогодились мне» и вручил их королю Римскому лишь когда ему исполнится шестнадцать лет. Это показывает, что для Наполеона эти книги были не простым воспоминанием или материальной ценностью – они призваны были напомнить сыну, кем в действительности был его отец, *intus et in cute*³⁵.

Наполеон был не просто жадным до книг человеком – он был действительно хорошим читателем, о чем свидетельствуют разговоры с ним, записанные на Св. Елене. Его взгляд на книгу часто бывал пронизательным и оригинальным: возможно, лучшим

³¹ Méneval C.-F. de. *Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon Ier*. P., 1894. T. 2. P. 42.

³² См. очень подробное исследование Шарля-Элуа Виаля: *Vial Ch.-É. Les livres à la guerre : les bibliothèques portatives de Napoléon Ier* // *Bulletin du bibliophile*. 2012. № 2. P. 305–341. Наполеон не всегда был удовлетворен работой своего библиотекаря Антуана-Александра Барбье. 14 мая 1809 г., находясь в Вене, он поручил своему секретарю Меневалю выразить библиотекарю неудовольствие: «Император нашел свою библиотеку плохо организованной. В ней много ненужных книг». Перечислив ряд произведений, от которых следует избавиться, и несколько других, которые нужно добыть для библиотеки (Гомер, Тассо, «Энеида», Мильтон), он добавил: «Император хочет, чтобы ни одно из поэтических или литературных произведений не было издано в двенадцатую часть листа (в очень малом формате). Этот формат предназначен только для истории и хроник. Коллекция греческих романов – в слишком большом формате. Кельнская Библия напечатана так, что ее сложно читать. “Энеида” и Мильтон – в стихах; Его Величество желает иметь их в прозаических переводах. Одинадцать томов г-жи де Севинье занимают слишком много места; надо найти избранные письма и в небольшом формате. Все остальные книги отвергаются как ненужные. <...> “Мемуары” Реца напечатаны очень плохо и на очень плохой бумаге; следует заменить их чем-нибудь получше». – *Correspondance de Napoléon Ier. Lettre n° 15209*. T. 19. P. 5-6.

³³ *Wairy C. Mémoires intimes sur Napoléon Ier*. P., 2002. T. 1. P. 271.

³⁴ *Guillois A. Op. cit.* P. 9.

³⁵ «État B» annexé au testament de l'Empereur // *Correspondance de Napoléon Ier*. T. 32. P. 482.

примером служит «Краткий очерк войн Юлия Цезаря», который Наполеон надиктовал весной 1816 г., перечитав «Записки о галльской войне»³⁶. Как заметил Стендаль, Наполеон не соглашался с великим множеством историков, видевших в храбрости галлов и Верцингеторикса доказательство, что они упорно сопротивлялись римским завоевателям и заставили Рим дрогнуть. Напротив, отмечал Наполеон, удивительно не то, что в конечном счете они оказались побеждены, а то, что на это ушло столько времени: лишь после семи походов вождь арвернов был привезен в Рим. Галлы, политически раздробленные и, при всей своей храбрости, недисциплинированные и совершенно или по большей части несведущие в военном деле, были обречены. В их долгом сопротивлении виноват сам Цезарь, который ни разу или почти ни разу не проявил свое хваленое полководческое мастерство, и с удовольствием сражался против врага, чье сопротивление работало на его популярность, не представляя вместе с тем настоящей угрозы³⁷. И Наполеон сделал вывод: «Если бы слава Цезаря была основана лишь на завоевании Галлии, она была бы сомнительной»³⁸.

Вместе с тем нельзя с уверенностью сказать, что чтение позволило Наполеону стать высокообразованным человеком. Его познания действительно затрагивали самые разнообразные сферы, но за пределами полученного образования (математика, геометрия и военное дело) отличались поверхностностью. Наполеон имел представление обо всем, но не углублял своих познаний: он переключался с одной книги на другую, с одной темы на другую, с одного предмета на другой, не придерживаясь при этом никакого плана. Но, если судить по тому, как Наполеон применял то, что он знал, он обладал более ценными свойствами, чем обширные познания: исключительной памятью, способностью к очень быстрому обучению, здравым смыслом, который редко подводил его,

³⁶ *Las Cases E de. Mémoires de Sainte-Hélène*. P., 2017. P. 363-364.

³⁷ Стендаль указывает на это в своих «Записках туриста». *Stendhal F. Mémoires d'un touriste*. P., 2014. P. 91-92.

³⁸ *Napoléon. Précis des guerres de Jules César*. Chap. III // *Correspondance de Napoléon Ier*. T. 32. P. 14. В «Записках туриста» Стендаль высмеивает историков – вероятно, в первую очередь Амедея Тьерри, опубликовавшего в 1828 году «Историю галлов», которые утверждают, что Верцингеторигс наводил страх на Рим: «В наши дни полагают, что можно творить историю <...> и имеют смелость утверждать, будто имя Верцингеторикса произносилось в Риме всегда с трепетом. Через две тысячи лет, быть может, найдется историк того же типа, который в поисках такого же рода славы, говоря о Франции XIX века, напишет, что одно имя Абдель-Кадера заставляло бледнеть парижан». – *Stendhal F. Mémoires d'un touriste*. P. 91. 1 мая 1837 г.

даже в сферах, с которыми он был очень мало знаком. Стендаль лучше всех понял эту особенность ума Наполеона:

«Его превосходство всецело основывалось на способности невероятно быстро находить новые мысли, судить о них с безукоризненной пронизательностью и осуществлять их с силой воли, с которою ничто не могло сравниться. <...> Но на эту пылкую душу, неустанно мечтавшую о будущем, самые серьезные сочинения оказывали лишь то действие, какое на заурядные души оказывают романы. Эти книги пробуждали или усиливали в нем страстные чувства; но давали ли они познание тех великих истин, которые были вполне доказаны и которые в дальнейшем могли бы служить основой для его жизненного поведения? <...> Много лет спустя при обсуждении Гражданского кодекса в Государственном совете можно было наблюдать, как этот великий гений на лету угадывал все следствия, вытекавшие из тех истин, которые высказывали в его присутствии г-да Трейяр и Буле де Ла-Мерт. Но эти новые для него истины не были новыми ни для кого из тех сорока членов Государственного совета и аудиторов, которые присутствовали на заседаниях. Правда, он с быстротой, необразимой для тех, кто не был тому свидетелем, делал чрезвычайно правильные выводы, до которых ни Трейяр, ни Буле никогда не додумались бы»³⁹.

Живость ума Наполеона компенсировала недостаточность его познаний.

* * *

Чтение... Когда молодой Бонапарт, закончив свое военное образование, высадился в Аяччо, он вез с собой, по сообщению своего брата Жозефа, встречавшего его в порту, чемодан книг «большого размера, чем чемодан с его одеждой и личными вещами»⁴⁰. Спустя несколько месяцев, когда этот семнадцатилетний юноша присоединился к полку, расквартированному в Валансе, чтение по-прежнему занимало важнейшее место в его жизни. «Когда благодаря долгой умеренности мне удавалось скопить два экю из шести ливров, я с детской радостью устремлялся к лавке торговца книгами, находившейся у епископства. Изучая полки его магазина, я часто испытывал грех зависти; я долго вожделем эти книги, которые мой кошелек еще не позволял мне купить. Таковы были

³⁹ *Stendhal F. Mémoires sur Napoléon. P., 1930. P. 59-61.*

⁴⁰ *Bonaparte J. Mémoires et correspondance politique et militaire. P., 1853. T. 1. P. 32-33.*

радости и излишества моей юности»⁴¹. Например, он отказался от «Древней истории» Роллена и «Философической истории обеих Индий» аббата Рейналя, купив вместо них «Историю Англии» Джона Барроу, и исписал огромное множество страниц своими выписками из этой книги, совершенно нечитаемым почерком. После этого он мог перейти к книгам о правлении Фридриха II или аббата Терре, закрыть «Письма с печатью» Мирабо, чтобы приняться за «Естественную историю» Бюффона, «Историю арабов» аббата де Мариньи или книгу Амело де ла Уссе о венецианском правительстве, не забывая в то же время и о «Географии» Лакруа, где он подчеркнул слова: «Святая Елена, маленький остров»⁴². Прав ли был Шатобриан, считавший эту непоследовательность проявлением «хаоса», царившего в голове Наполеона?⁴³

Он читал беспорядочно, но вместе с тем методично: в его руке было перо, как тогда было принято, и он исписывал целые страницы заметок и извлечений своим часто неразборчивым почерком. Впоследствии он мог воспользоваться своими заметками для составления коротких очерков и рассказов. Подобно Шатобриану, случалось ему и страдать от «юношеского пустословия»⁴⁴. Этих ранних текстов набирается целый том, в котором нет ни следа той лаконичности и точности, отличающей стиль позднего Наполеона⁴⁵. Лишь один небольшой рассказ, «Маска пророка», написанный в 1789 г. и основанный на труде Мариньи, заслуживает того, чтобы его вспомнили. Обманщик Хакем, заявив, что ему поручена божественная миссия, выступает во главе армии фанатиков, увлеченных его красноречием. Он идет от успеха к успеху, пока однажды у него не начинается страшная болезнь. Изуродованный и ослепший Хакем, боясь, что его несчастье будет воспринято как Божье наказание за грехи, скрывается под серебряной маской, заявляя, что носит ее, «чтобы люди не ослепли от сияния, исходящего от его лица». Вскоре после этого армия Хакема терпит поражение. Тогда он приказывает выкопать вокруг лагеря широкий ров, заполненный негашеной известью. Ночью он поит солдат отравленным вином, бросает их тела в ров и, наконец, бросается туда

⁴¹ Цит. по: *Simiot B. De quoi vivait Bonaparte.* P., 1952. P. 40.

⁴² *Bonaparte N. Manuscrits inédits (1786-1791).* P., 1907. P. 367.

⁴³ *Chateaubriand F.-R. de.* Op. cit. T. I. P. 1138.

⁴⁴ *Ibid.* P. 1101.

⁴⁵ Эти пробы пера были опубликованы Фредериком Массоном и Гвидо Бьяджи в 1907 г., а затем переизданы Жаном Тюларом. Об их истории см.: *Tulard J. Introduction // Œuvres littéraires et écrits militaires de Napoléon.* P. 15-17.

сам, чтобы его тело так и не удалось опознать. Так Хакем навсегда скрывает свой обман и прославляет себя: распространяется поверье, что его и его людей взяли живыми на небо.

В судьбе Хакема, который предпочел смерть поражению и отказался от жизни ради посмертной славы, пусть даже и добытой при помощи хитрости, просматривается одна из важнейших идей Наполеона, которую он позже выразит при помощи фразы, заслуженно ставшей знаменитой: «Смерть – ничто; но жить побежденным и лишенным славы – значит умирать каждый день»⁴⁶. Редко какой из юношеских трудов Наполеона позволяет так почувствовать, что творилось у него в душе; это окошко приоткрывается, лишь чтобы немедленно закрыться вновь. Наполеону еще только предстояло стать писателем. Мы избавим его от распространенного представления, что он стремился стать «Жан-Жаком Руссо своего поколения»⁴⁷. Истина куда более банальна: он был таким же «бумагомарателем»⁴⁸, как и большинство образованных молодых людей его времени. Даже не стремясь завоевать славу при помощи своего пера, они все равно не могли удержаться от написания текстов, одновременно отдававших школярством и пафосом эпохи, любившей филантропию, сентиментальность и многословие. Сам Наполеон не придавал особого значения своим первым пробам пера, и когда Талейран, в восторге от своей находки, однажды показал ему копию «Речи о счастье», представленной Наполеоном в 1791 г. на конкурс Лионской академии, он вырвал текст у Талейрана из рук и бросил его в огонь⁴⁹.

* * *

Когда началась революция, Бонапарт писал «Письма о Корсике», в которых он предполагал проследить историю родного острова и усилия, предпринятые корсиканским народом для освобождения от завоевателей, по очереди обращавших его в рабство – пизанцев, генуэзцев, французов. Это стремление не оставляло юного Бонапарта с лет, проведенных в коллеже. Наполеон, гордый тем, что носит униформу артиллерийского офицера, вместе с тем ненавидел все, что приходило с континента, и мечтал о такой судьбе, как у Паоли:

⁴⁶ Письмо генералу Лористону, 12 декабря 1804 г. // *Bonaparte N. Correspondance générale*. P., 2007. Т. 4. P. 968-969.

⁴⁷ *Martin A.* Op. cit. P. 17.

⁴⁸ *Bainville J.* Napoléon. P., 2005. P. 28-29.

⁴⁹ *Stendhal F.* Mémoires sur Napoléon. P. 58-59.

«Я поклялся на своем алтаре больше не прощать ни единого француза. Несколькокими годами раньше я видел, как потонули два корабля этой нации. Несколько хороших пловцов добрались до острова, но мы убили их. Мы помогли им спастись, потому что они были людьми, а затем убили их, потому что они были французами»⁵⁰.

«Письма о Корсике» пропитаны тем же страстным стремлением к отвоеванию независимости. Эта страсть исходила из мозга, пишет Жак Бенвиль, она появилась у мальчика, лишенного корней, тем больше желавшего считать себя корсиканцем, чем меньше он им становился. С точки зрения стиля «Письма» не отличались от рассказов, написанных в эти же годы: они были неудобоваримы и полны восклицаний, речей, возмущения и слез. Он обратился за советом к одному из своих прежних учителей, который, стараясь не задеть авторское самолюбие начинающего историка, все же не удержался и сказал ему, что все это «несколько многословно и высокопарно» и «чувствуется, что написано молодым человеком»⁵¹. Однако Бонапарт, вне всякого сомнения, в первую очередь обратил внимание не на критику, а на стандартные комплименты, подтверждавшие в его глазах миссию, которая, как он считал, выпала на его долю: открыть корсиканцам глаза на их историю в тот момент, когда, как ему хотелось верить, перед ними открывалась возможность славной судьбы. Начавшаяся революция должна была отвлечь правительство и даже, возможно, ослабить Францию. Разве не близился момент, когда корсиканцы, пятьдесят лет назад уже познавшие свободу под руководством Паоли, смогут вновь сбросить с себя ярмо завоевателей?

Но этот проект, отражавший ранние литературные мечты молодого Наполеона, постепенно приобрел политический характер. Автор «Писем» надеялся, что они привлекут внимание Паоли – старый вождь, живший в изгнании в Лондоне, в скором времени мог вернуться на родной остров – и патриотические идеи его «Писем» подарят Паоли преимущество перед соперничавшими кланами, стремившимися взять власть в Аяччо. Поэтому соображения бывшего учителя никак не повлияли на Бонапарта, и на протяжении целого года, с осени 1789 г. по конец лета 1790 г., он продолжал работать над своей книгой. Паоли никак не реагировал, и Бонапарт обратился к одному из самых славных представите-

⁵⁰ *Bonaparte N.* Manuscripts inédits. P. 387.

⁵¹ См.: *Tomiche N.* Op. cit. P. 114.

лей уходящего XVIII в., аббату Рейналю, чью «Философическую и политическую историю о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях» он прочел и прокомментировал. Знаменитый философ высказал Бонапарту свое одобрение и даже принял молодого человека в Марселе, чтобы обсудить с ним его труд. Но сам Бонапарт уже утратил былой энтузиазм. Подобно своим братьям, он теперь стремился к более осязаемым выгодам, чем литературная слава. Важные посты ждали тех, кто их займет, национальные имущества – тех, кто их присвоит, союзники – тех, кто окажет им содействие, а враги – тех, кто будет им препятствовать. Бонапарт сообщил Рейналю, что не закончит свой труд⁵². Но он все равно продолжал думать о «Письмах», и даже вновь попытался заинтересовать в них Паоли. Однако «Папа», как его называли сторонники, не любил Бонапартов: отец Наполеона предал Паоли и перешел на сторону французов в 1769 г., даже не дожидаясь, пока вождь отправится в изгнание. Паоли ответил Наполеону: «Историю не пишут в годы юности». На сей раз молодой человек понял, что с его политико-литературными мечтами покончено, и 7 августа 1792 г. написал Жозефу, что в складывающихся обстоятельствах он отказывается от «мелкой амбиции стать писателем»⁵³.

* * *

Значило ли это окончание литературных устремлений? Да, однозначно да, невзирая на тот факт, что в 1795 г. он написал новеллу «Клиссон и Эжени», которая была выше качеством, чем его прежние опыты⁵⁴. Важно понимать контекст, в котором писался этот текст: он показывает, что литературная деятельность стала для Наполеона отдушиной во время бездействия. Подобно изгнанию на Св. Елену, которое вызовет у него желание написать мемуары, в 1795 г. его подтолкнул к творчеству период вынужденной праздности, который он не знал, как прекратить. Отказавшись отправиться в Вандею, Наполеон лишился места в армии и жалования. Выжить ему помог Бурьен, соученик по коллежу. Наполеон возлагал надежды то на пост военного атташе в Турции, то на выгодный брак: Жозеф нашел себе богатую невесту, Жюли Клари, и его младший брат не исключал для себя женитьбы на Дезире, младшей сестре Жюли. Эти мысли и вдохновили Наполеона на написание «Клисс-

⁵² *Bonaparte N. Manuscrits inédits. P. 396-397.*

⁵³ *Bonaparte N. Correspondance générale. Lettre n° 68. T. 1. P. 116.*

⁵⁴ *Bonaparte N. Clisson et Eugénie. P., 2007.*

сона и Эжени», хотя чувства изображенных им влюбленных были куда более сильными, чем то, что он испытывал по отношению к Дезире. Но это не главное. Этот гимн супружескому счастью, напоминающий знаменитую страницу Толстого⁵⁵ или картину Шардена, служит живой иллюстрацией искушения, вновь и вновь появлявшегося в жизни Наполеона: отказаться от славы и скромно жить в окружении близких людей, предаваясь буржуазному счастью, которое Наполеон так никогда и не познает и которое, как он прекрасно знал, было не для него.

«Клиссон и Эжени» поставили точку в «писательской карьере» Наполеона, по крайней мере до тех пор, пока он не начал работу над своими «Мемуарами», которые так и не закончил. В конце 1795 г. Наполеоном завладела история – и больше уже она его не отпускала. События начали происходить с головокружительной скоростью: он помог Конвенту подавить роялистское восстание, повстречал Жозефину, возглавил парижские войска, женился и сразу же после этого оказался во главе Итальянской армии. Бонапарт не вспоминал больше ни про буржуазный брак с Дезире, ни про желание стать атташе в Турции. Началась наполеоновская эпопея. Теперь он начал писать настоящие вещи.

Впрочем, Натали Томиш, лучше всех восстановившая «литературный» путь Бонапарта в эти решающие годы с 1793-й по 1796-й, отмечает, что переход вовсе не был таким резким: уже с 1792–1793 гг. в Наполеоне как бы сосуществовало два разных писателя. Один из них был подражателем Руссо и Бернардена де Сен-Пьера с постепенно гаснущим вдохновением – и новелла «Клиссон и Эжени» стала последним и запоздалым его творением. Второй, писавший о военных вопросах, придерживался совершенно иного стиля: его перу принадлежат «Устав полиции и службы батальона добровольной национальной гвардии», «Проект обороны залива Аяччо» и другой аналогичный проект, посвященный заливу Сен-Флоран. Первый писатель придерживался велеречивого и многословного стиля, в то время как манеру второго писателя характеризовали «ясность, точность, фразы настолько же быстрые, как и реальность, которую они описывали»⁵⁶.

Наполеон стал настоящим писателем в тот момент, когда он прекратил *мечтать* о писательстве. Его сделала писателем не литература, но война.

⁵⁵ Речь идет о романе «Семейное счастье».

⁵⁶ *Tomiche N.* Op. cit. P. 119-127.

* * *

Можно сказать, что перо выпало из рук Наполеона, и в буквальном смысле это будет абсолютной правдой. Начиная с 1793 г., за исключением последнего литературного опыта в 1795 г., Наполеон уже не писал сам, а лишь диктовал своим секретарям. Первым из них, в Тулоне, был Жюно. Секретари сменяли друг друга вплоть до Св. Елены, где слова Наполеона записывали уже все его товарищи по изгнанию. История сохранила имена Бурьена, Меневаль и Фена, но много было их, от генерала Кларка до Дюрока и Шапталья, людей, которым довелось переносить настоящую пытку, выпадавшую на долю писцов Наполеона.

Некоторые письма, в особенности личные, он писал сам – письма Жозефине написаны его почерком – но Наполеон быстро терял терпение, когда речь шла о делах каждодневных; для него было невыносимо, что скорость его руки ограничивает полет его мыслей, тем более что если б он захотел, чтобы его перечитали, ему пришлось бы потратить еще больше времени. Почерк Наполеона был настолько неразборчив, что даже он сам не всегда мог расшифровать свои мысли, и порой предпочитал порвать бумагу и начать снова – на этот раз уже диктуя текст другим. Ходили слухи, что почерк был не единственной проблемой – что орфография Наполеона оставляла желать лучшего, что он путал слова, что его французский язык был засорен итальянизмами. Его бывший министр Шапталь утверждал, что Наполеон «называл Филиппины Филиппиками, сессию секцией, кульминацию фульминацией, пожизненную ренту путешественной рентой, амнистию армистией и т. д.», что он мог написать «Океан» вместо «Оссиан» и «Дюсаклен» вместо «Фукидида»⁵⁷. Но Шапталь – не самый надежный свидетель; он писал эти строки, обхаявая Бурбонов. Меневаль был менее суров к императору. Да, он писал «габинет» вместо «кабинет» и «анфантерия» вместо ««инфантерия», но эти орфографические ошибки были одними и теми же – и сравнительно редкими. Как свидетельствует Фен, Наполеон чаще всего ошибался в написании имен собственных: «Он мог написать “Эбро” вместо “Эльба” и “Смоленск” вместо “Саламанка” или наоборот; я уже не помню, какое польское название путал он с Бадахосом, но я хорошо помню, что, когда он говорил об Изопе, речь шла о крепости Осопе»⁵⁸.

⁵⁷ *Chaptal J.-A. Mes souvenirs sur Napoléon. P., 2009. P. 90-91; Van Thiegem P. Ossian en France. P., 1917. T. 2. P. 6 (со ссылкой на Бурьена).*

⁵⁸ *Fain A. J.-F. Mémoires. P., 1908. P. 59.*

Синтаксические ошибки Наполеон тоже допускал редко, и Меневаля говорит, что если что и было достойно удивления, то отнюдь не итальянизмы, время от времени попадавшие в прозу императора (в конце концов, он родился на Корсике), а тот неожиданный факт, что его итальянский язык был каким угодно, но только не итальянским. Наполеон читал по-итальянски – именно на этом языке он открыл для себя поэзию Оссиана⁵⁹ – но ни писал, ни говорил на нем. До нас дошла единственная записка, написанная его рукой на итальянском: в тот момент, когда паолисты, объявившие Наполеона вне закона, разыскивали его, он сообщал своей матери, что пора бежать: «Preparatevi, questo paese non è per noi»⁶⁰. Языком Наполеона был французский, освоенный в коллеже, и, по свидетельству Меневаля, когда Наполеон пытался обратиться к своим итальянским собеседникам на их языке, «он говорил на итальянизированной французском с окончаниями на и, о, или а»⁶¹.

Но главным, как я уже сказал, было то, что рука Наполеона не поспевала за его мыслью, она замедляла ее полет. Он имел обыкновение диктовать несколько писем или отчетов одновременно, подобно Цезарю, способному сразу диктовать семь писем – он не успел бы записать их собственной рукой. Продолжением мысли Наполеона была не рука, а секретарь, которого Наполеон мечтал низвести до «пишущей машины»⁶². Если со стороны диктовка звучала как «разговор», то речь шла о диалоге между Наполеоном и Наполеоном. Он был наедине с самим собой, и секретарь не должен был ни в коем случае вмешиваться, например, попросив у своего господина, чтобы тот объяснил или повторил свою мысль: «Прервать его означало явиться незванным гостем на его разговор со своим воображением»⁶³.

Обычно Наполеон начинал медленно. Чем глубже он входил в тему, тем быстрее он говорил. По словам Фена, тогда «надо было следовать за ним что было сил, чтобы не быть захлестнутым его фразами, которые устремлялись одни за другими»? «Искусство состояло в том, чтобы всегда оставлять пробелы, стремясь держаться нити его рассуждений. Затем, когда скорость спадала, можно было заполнить эти пробелы, связь идей позволяла вспомнить

⁵⁹ В итальянском переводе, опубликованном Мелькиоре Чезаротти в 1773 г.

⁶⁰ «Собирайтесь [к отъезду], эта страна не для нас». – *Прим. перев.*

⁶¹ *Méneval C.-F. de*. Т. 3. Р. 122.

⁶² *Fain A. J.-F.* Op. cit. Р. 29.

⁶³ *Ibid.* Р. 57.

их; но надо было понимать, о чем идет речь; это было совершенно необходимо, чтобы избежать недоразумений, уйти от двусмысленности и со всей ясностью передать расплывчатость его слов»⁶⁴.

* * *

Некоторые из этих внезапных надиктовок знамениты: например, декрет 1812 г. об организации театра Комеди-Франсез, директивы 1809 г. по реорганизации Германской армии, принятые перед началом Ваграмской кампании; или, наконец, план кампании 1805 г., который, по сообщениям очевидцев, Наполеон неожиданно продиктовал Дарю, узнав, что французский флот, который должен был перекрыть пролив Ла-Манш, не явится, и все усилия по организации вторжения в Англию оказались тщетны. Это было в Понт-а-Брике 25 августа 1805 г. Дарю, интендант гражданского листа, находившийся при императоре, был свидетелем того, как Наполеон выплеснул весь свой гнев в адрес моряков, по чьей вине сорвалось величайшее предприятие в его карьере. Впоследствии он описал эту сцену Паскье⁶⁵:

«Когда этот первый порыв прошел, г-ну Дарю было приказано взять перо, и тотчас, забыв о всем, что только что его раздражало, отказавшись от проектов, которые он вынашивал уже два года и которым посвятил столько забот, столько усилий и столько денег, погружившись в совершенно новый круг понятий и вновь обретя то спокойствие, которое ему было необходимо для составления планов, талантливый полководец продиктовал, не останавливаясь, все приказы, необходимые для того, чтобы перенести в самое сердце Германии армию, в этот момент находившуюся в лагере на морском берегу, откуда была видна Англия; эти приказы все охватывали и все предусматривали. Число маршей, расположение всех корпусов, их цель движения на обширном поле боя, которое должно было открыться перед ними, были сосчитаны с абсолютной точностью. Возможно, никогда еще этот гений масштабных военных операций, с характером чрезвычайной силы, поддерживающим его, воодушевляющим и позволяющим подняться над любыми событиями, не проявлял себя в такой великой степени; г-н Дарю, пересказывая мне произошедшее более чем пятнадцать лет спустя, был все еще охвачен восхищением»⁶⁶.

⁶⁴ Ibid. P. 57-58.

⁶⁵ Позже он посвятил этому рукописный рассказ, воспроизведенный в кн.: *Bergerot B. Daru en son temps (1767-1829)*. Lille, 1979. P. 104-105.

⁶⁶ *Pasquier É.-D. Mémoires*. P., 1893. T. 1. P. 217-218.

По словам Дарю, диктовка продлилась более четырех часов, и к моменту ее окончания было полностью подготовлено самое яркое изменение военных планов в истории. На следующий день были отданы первые приказы. Конечно, это не означает, что Наполеон полностью сымпровизировал в присутствии Дарю сложнейший план кампании, в результате которой Великая армия оказалась в Моравии, и если Тьер с готовностью принял свидетельство Пьера Дарю⁶⁷, другие сочли историю слишком красивой, чтобы быть вполне правдивой⁶⁸. Да, Наполеон отказался от вторжения в Англию именно 25 августа – другие предложенные даты звучат неубедительно⁶⁹ – но он, уже много недель ничего или почти ничего не зная о местонахождении флота адмирала Вильнева и не будучи вполне уверен, что флот придет к месту назначения, стремился привлечь Пруссию на свою сторону, чтобы помешать формированию большой коалиции, в которой она присоединилась бы к уже готовым воевать армиям России и Австрии, и изучал все возможные варианты, в числе которых было и вторжение в Германию. Склонившись над картами, он пальцем проводил по дороге, по которой нужно было следовать, чтобы достичь Дуная и оказаться в тылу австрийцев, стоявших в Ульме⁷⁰. План кампании 1805 г., оказавшийся на бумаге при помощи Дарю, был плодом многих дней, если не недель, размышлений, что, конечно, ни в коей мере не умаляет его значение как стратегического и тактического шедевра.

* * *

Как мы видим, достоверность некоторых знаменитых диктовок Наполеона ставится под вопрос. То же самое касается и переписки Наполеона. Действительно, его письма, прокламации и военные отчеты были всегда или почти всегда продиктованы секретар-

⁶⁷ *Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1845. T. 5. P. 463-464.*

⁶⁸ См., в первую очередь: *Wimet P.-A. Napoléon a-t-il dicté à Daru le plan de la campagne de 1805? // Revue de l'Institut Napoléon. 1971.*

⁶⁹ 25 августа Наполеон сообщил Талейрану о своем решении резко изменить планы и вторгнуться в Германию, чтобы переиграть угрожавшую ему австро-русскую коалицию. (*Bonaparte N. Correspondance générale. Lettre n° 10664. T. 5. P. 622*). В этот же день он писал Бертье: «Наступил решающий момент». (*Ibid. Lettre n° 10658. T. 5. P. 618*). Некоторые исследователи предполагают, что он принял соответствующее решение 13 августа, но это маловероятно, потому что в этот момент Наполеон ждал вестей о движении Вильнева, которые он получил только 25 августа. Фернан Бокур предложил дату 28 августа, но она слишком поздняя – уже двумя днями раньше полки получили приказ двигаться в направлении Рейна. *Beaucour F. La dictée à Daru du plan de la campagne d'Austerlitz eut-elle lieu? // Revue de l'Institut Napoléon. 2002. № 185. P. 19-25.*

⁷⁰ *Madelin L. Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 2003. T. 2. P. 189-190.*

рям, которые неизбежно привносили в слова императора что-то от себя. Качество воспроизведения слов Наполеона сильно зависело от таланта переписчика, тем более что император редко требовал, чтобы ему зачитывали получившийся результат; слишком много у него было дел. Кто был, в конечном счете, автором всех этих текстов? Наполеон? Или секретарь, преобразивший слова господина в написанный текст, где слова, фразы и идеи располагались в более логичном порядке? Но идеи, формулы и сам стиль принадлежали императору, не секретарям, вышивавшим по канве его диктовки и вставлявшим фразы, совершенно не соответствовавшие стилю Наполеона, окончательно сформировавшемуся в 1796 г., во время Итальянского похода, «в котором господствует кратко выраженная мысль и воля, где вспыхивают молнии воображения»⁷¹. Наполеон уже не хотел быть писателем, но литературное вдохновение не покинуло его. Оно ярко проявляется в записке, отправленной Жозефине из Булонского лагеря и написанной в «стиле Шатобриана», вызвавшей восхищение Монтерлана⁷²: «Ветер значительно посвежел этой ночью, и одна из наших канонерских лодок, стоявших на рейде, стала дрейфовать прямо к скалам в одном лье от Булони; я думал, что все потеряно, люди и имущество, но мы сумели все спасти. Это было величественное зрелище: выстрелы сигнальной пушки, берег, весь усеянный огнями, свирепо ревущее море, ночь, проведенная в тревоге, когда мы не знали, спасем ли этих несчастных, или увидим, как они гибнут. Душа была между вечностью, океаном и ночью»⁷³.

Последняя фраза прекрасна. В ней чувствуется читатель Оссиана, шотландского барда III в., целиком и полностью выдуманного Джеймсом Макферсоном (1736–1796) и пользовавшегося начиная с 1770 х гг. огромной популярностью по всей Европе. Макферсон, увлеченный своей собственной мистификацией, продолжал находить и переводить все новые произведения барда. Популярность Оссиана охватила Англию, а затем перескочила Ла-Манш и даже Атлантический океан. Томас Джефферсон считал барда величайшим поэтом всех времен. Не отставал и Дидро, а «Страдания юного Вертера», написанные Гете, много сделали для дальнейшей популяризации Оссиана. Наполеон так любил Оссиана, что мог

⁷¹ *Sainte-Beuve Ch.A. Op. cit. T. 1. P. 179-198.*

⁷² *Montherlant H. de. Tous feux éteints. P., 1975. P. 111.*

⁷³ Письмо Жозефине, 21 июля 1804 г. // *Naparte N. Correspondance générale. Lettre n° 9015. T. 4. P. 775.*

назвать Гомера «пустомелей», если кто-то осмеливался поставить его выше его обожаемого барда, и повсюду возил с собой сборник его текстов. Страницы сборника были потрепаны, испещрены заметками Наполеона, усеяны желтыми пятнами, которые оставили пальцы этого любителя нюхать табак, и даже многие годы спустя издавали запах пачули⁷⁴. Его Оссиан был таким же, как у Вертера. Он сам мог бы сказать:

«Оссиан вытеснил из моего сердца Гомера. В какой мир вводят меня его божественные стихи! Блуждать по вересковым пустошам, когда кругом бушует буря и с клубами тумана, при тусклом свете луны, гонит души предков, слушать с гор сквозь рев лесного потока приглушенные стоны духов из темных пещер и горестные сетования девушки над четырьмя замшелыми, поросшими травой камнями, под которыми покоится павший герой, ее возлюбленный! И вот я вижу его, седого странствующего барда, он ищет на обширной пустоши следы своих предков, но, увы, находит лишь их могилы и, стеная, поднимает взор к милой вечерней звезде, прячущейся в бурном море, и в душе героя оживают минувшие времена, когда звезда эта благоклонно освещала бесстрашным их опасный путь и месяц озарял их победоносный корабль; я читаю глубокую скорбь на его челе, я вижу, как, изнывая в одиночестве, бредет к могиле последний из великих <...> и, глядя на холодную землю, на высокую колышущуюся траву, <...> тут, о друг, мне хочется, подобно благородному оруженосцу, обнажить меч, разом освободить моего господина от мучительных судорог медленного умирания и послать вслед освобожденному полубогу собственную душу»⁷⁵.

Эта поэзия в прозаической форме – Наполеон, как известно, не любил стихи – вела его по туманным равнинам Шотландии в страну, населенную героями. Именно это он так любил у Оссиана, как, впрочем, и у Корнеля. У обоих авторов Наполеон находил образцы той героической жизни, к которой стремился и сам, героев, единственным ограничением для которых была судьба и рок. «Герои должны умирать», – говорил он, когда ему рассказывали про пьесу с хорошим концом. Его самой любимой поэмой была «Битва при Теморе»⁷⁶. Чтение этих песен, отнюдь не таких посредственных, как

⁷⁴ О Наполеоне и Оссиане см.: *Van Thiegem P.* Op. cit. Т. 2. P. 3-21.

⁷⁵ См.: *Lampart J.J.* Goethe, Ossian and Werthe // Stafford F., Gaskill H. From Gaelic to Romantic. Ossianic Translations. Rodopi, 1998. P. 97-106.

⁷⁶ Написанное Оссианом было недавно переиздано: *Macpherson J.* Œuvres d'Ossian. P., 2013.

принято считать, позволяет мимоходом почувствовать душу Наполеона: для него люди велики и даже огромны, мир сумрачен, а небеса пусты. Он так любил Оссиана, что в 1813 г. заказал Энгру «Сон Оссиана» – роскошную роспись, которая должна была украшать потолок императорских апартаментов в Квиринальском дворце в Риме. Горе тем, кто не разделял его восхищения. Лыстецы хорошо это знали, и Жермена де Сталь, опубликовавшая в 1800 г. труд «О литературе», в котором она, аккуратно предупреждая об опасности военного деспотизма, в то же время многократно и красноречиво превозносила добродетели Первого консула, не забыла уделить особое место Оссиану: «Мне представляется, что существуют две совершенно различные литературы, пришедшая с юга и спустившаяся с севера; у истоков первой стоит Гомер, у истоков второй – Оссиан»⁷⁷.

Пристрастие Наполеона к Оссиану, как и его любовь к музыке, к которой он был столь восприимчив, показывает скрытую сторону наполеоновского светила, почти неуловимую для наблюдателей. Возможно, именно у Оссиана он позаимствовал «некоторые из известных проявлений его стиля: возвышенность и резкость тона, величие образов, манеру речи, которая была абстрактной и в то же время полной метафор. Даже в обычном разговоре, когда его душой завладевала какая-нибудь великая идея, он *оссианизировал*»⁷⁸. Сент-Бёв уверяет, что Наполеон не черпал из оссиановского гения, а сам наделял его своим гением. Но это не имеет значения. Оссиан больше, чем кто-либо другой подходил для ораторской поэзии в прозаической форме, которая составляет основу переписки императора.

* * *

Ораторский дар ощущается и в любовном письме, написанном в тот момент, когда Бонапарт брал на себя командование Итальянской армией:

«Я не провел ни единого дня, не написав тебе; я не провел ни единой ночи, не сжимая тебя в объятиях; я не выпил ни единой чашки чая, не проклиная славу и честолюбие, которые держат меня вдали от души моей жизни. Когда я весь в делах, когда я возглавляю войска, когда я инспектирую лагеря, одна лишь моя обожаемая Жозефина живет в моем сердце, заполняет мою душу, поглощает мои мысли. Если я удаляюсь от тебя с быстротой бурной Роны, то лишь для того, чтобы увидеть тебя как можно скорее. Если посреди ночи я встаю, чтобы

⁷⁷ *Staël G. de*. De la littérature. P., 1991. P. 203.

⁷⁸ *Van Thiegem P.* Op. cit. T. 2. P. 9.

работать, то лишь потому, что это может на несколько дней ускорить приезд моей милой подружки. <...> Жозефина! Жозефина! Помни о том, что я тебе иногда говорил: природа даровала мне сильную и решительную душу, а тебя создала из кружева и газовой ткани»⁷⁹.

Без труда можно найти десятки других писем, обнажающих страстную душу Наполеона – или являющих ее одетой в полу-прозрачную ткань. Письма, адресованные вдовам его генералов; трогательные письма пасынку, вице-королю Италии Евгению Богарне, в которых он наставляет его в военном деле и в искусстве управления; резкие письма Бернадоту каждый раз, когда тот его разочаровывал; яростные письма братьям, в которых он напоминал им об их обязанностях; приказы, прокламации, бюллетени Великой армии... и даже газетные статьи: каждый вечер глава государства собирал у себя редакцию *Moniteur*, ставшего при нем официальной газетой, чтобы составить завтрашний номер, для которого он нередко писал заметку или даже целую статью, впрочем, всегда публиковавшуюся без подписи. «Врагу нельзя оставлять никакого преимущества, даже во мнениях»⁸⁰, – говорил Наполеон. Бальзак писал об одном из сборников переписки Наполеона, который он стремился опубликовать: «Это была бы самая прекрасная книга в мире. В глазах масс она станет как будто явлением с другого света. Они воочию увидят душу императора»⁸¹.

Бонапарт стал частью большой литературы лишь тогда, «когда он отбросил перо и стал диктовать»⁸²; в его случае наблюдалась теснейшая связь между литературными способностями и военными или политическими действиями. Раз уж я процитировал его письмо к Жозефине, хорошим подтверждением может послужить его любовная переписка. Достаточно сравнить письма, адресованные будущей императрице с теми, которые он писал Дезире Клари всего за несколько месяцев до встречи с Жозефиной. Они написаны совершенно в разном ключе и как будто двумя разными мужчинами, двумя совершенно разными стилями. Письма Наполеона к Дезире сотканы из любезных и изящных выражений попеременно с плана-

⁷⁹ Письмо Жозефине, 30 марта 1796 г. // *Bonaparte N. Correspondance générale. Lettre n° 439*. Т. 1. Р. 310-311.

⁸⁰ *Périvier A.* Op. cit. P. 21. В годы Второй империи были собраны воедино статьи, написанные Наполеоном для *Moniteur*, черновики и поправки, но вся подборка погибла в пожаре 1858 г., когда сгорело помещение редакции.

⁸¹ *Ibid.* P. 11.

⁸² *Tulard J. Préface* // *Œuvres littéraires et écrits militaires de Napoléon*. Т. 1 (не пронумерованные страницы).

ми на будущую карьеру. А вот письма к той, которой предстояло стать его женой, показывают, насколько страстно он был влюблен в нее. С другой стороны, страсть (эфемерная), которую он испытывал к Жозефине, одновременно подогревала его интерес к делам военным и к той бешеной активности, в которую он немедленно окунулся. Любовь и война идут рука об руку. В случае Наполеона они подпитывали друг друга и обе способствовали преобразению его авторского стиля, которое нельзя было предугадать. Именно война в 1796 г. увела Бонапарта от Руссо и привела к Цезарю. Поэтому истинным литературным шедевром Наполеона являются его сорок тысяч писем (самое последнее издание, опубликованное Фондом Наполеона, включает в себя 40 497 писем) – неотъемлемая часть его деятельности, показывающая, как он составлял планы, принимал решения, руководил исполнением и наблюдал за результатами.

Наполеон был «автором» или хотел быть таковым, но потом деятельность увлекла его в полет на своих крыльях; именно действую и благодаря деятельности он стал писателем.

* * *

Если сравнить «Оссиановы» письма императора с теми, которые он отправлял генералам, руководя военными операциями, это позволит измерить, насколько много в этой голове было одновременно воображения и разума, души и мысли: одна часть его существа влекла его к сентиментализму XVIII в., другая поднимала его к краткости и ясности, к стилю Цезаря или Фридриха II. «В авторском стиле великих полководцев, – писал литературный критик Дезире Низар, – широкими мазками проявляется само действие, и даже небрежность автора делает повествование более убедительным. Я не знаю лучших мастеров в умении писать, чем эти люди, которые писали безыскусно, или же, подобно Цезарю, будучи близко знакомы со всеми тонкостями литературного языка, смогли без них обходиться, сделав свой стиль поистине совершенным. В депешах Бонапарта не больше прикрас, чем в “Воспоминаниях” Цезаря; их стиль еще более строг»⁸³. Короткие фразы, без излишеств, строгие, характерные для прокламаций и для многих писем Наполеона, отражают не литературное, а ораторское искусство. Стиль Наполеона – это стиль оратора⁸⁴.

⁸³ Périevier A. Op. cit. P. 12.

⁸⁴ Гюстав Лансон подчеркивает это в своей «Истории французской литературы»: Lanson G. Histoire de la littérature française. P., 1895. P. 858. Кроме того, на это обращает внимание Альбер Тибодэ, автор труда с аналогичным названием: Thibaudet A. Histoire de la littérature française. P., 1936. P. 20-23.

Поэзия оратора, поэзия действия. В случае Наполеонаписание (и даже диктовка) – лишь продолжение действия. Оно сопровождает действие, делает его грандиознее, преобразует. Действие, командование, управление стали литературной школой Наполеона. Его стиль очистился от излишеств, стал более собранным и свелся к алгебре. Нет ничего более впечатляющего, чем десятки и сотни писем, приказов и записок, предшествовавших началу каждого похода. Именно в этот момент Наполеон достигал максимума своих возможностей, следил за всем, внимательно наблюдая как за общей концепцией, так и за деталями ее воплощения. Активная деятельность служила для него допингом. Симон Лейс сказал, что Наполеон был «неспособен к созерцанию»⁸⁵. Это верно. Медленное обдумывание было не для него. Он был способен на беспорядочные воспоминания «Мемориала», потому что вспоминать значило переживать эти моменты заново – но у него было очень мало способностей к тому, чтобы медленно обдумывать свою историю в попытке извлечь из нее уроки, понять ее движущие силы, сообщить ей единство и последовательность, одним словом, написать мемуары. Наполеон не обладал талантами автобиографа. В его случае все объясняли только активные действия. Именно они и были его стихией, его истинной страстью; он был убежден, что жить – означает действовать.

* * *

«Наполеон-писатель так же велик, как Наполеон – государственный деятель или Наполеон-полководец», – говорил Тьер. К этому можно добавить, что именно в день первой своей великой победы – в Мондови, 22 апреля 1796 г., одержав верх над пьемонтцами – Наполеон стал одновременно «великим полководцем и великим писателем», надиктовав прокламацию для своих солдат, которая числится среди его «самых прекрасных страниц». Она слишком известна, чтобы цитировать ее целиком. Хватит и нескольких слов:

«Солдаты! За две недели вы одержали шесть побед; вы захватили двадцать одно знамя, пятьдесят орудий, несколько крепостей, и завоевали самую богатую часть Пьемонта. Вы взяли в плен пятнадцать тысяч человек, убили или ранили более десяти тысяч. <...> Вы были лишены всего, вы смогли всему найти замену. Вы выигрывали битвы без пушек; переходили реки без мостов; шли форсированным мар-

⁸⁵ L^{ey}s S. Quand vous viendrez me voir aux Antipodes. P., 2015. P. 127.

шем без обуви, устраивались на отдых без водки, а часто и без хлеба. <...> Но солдаты! Не будем скрывать, вы ничего еще не сделали, поскольку вам еще многое предстоит сделать. Ни Турин, ни Милан еще не в ваших руках. <...> Наверное, самые большие препятствия уже позади, но вас еще ждут бои, в которые надо вступать, города, которые нужно брать, и реки, которые нужно форсировать».

Тьер говорит, что источником этой речи послужило то самое вдохновение, которое и позволило одержать перечисленные Бонапартом победы: «Высший ум помогает не только действовать, как действует великий человек, но и писать, как пишет великий писатель. <...> Главное, что позволяет великому человеку действия писать как великий писатель – мысль; есть и то, что позволяет писать возвышенно – душа. Она ярко проявляется как в его словах, так и в его делах»⁸⁶. Душа Наполеона была страстной: подобной интенсивной страсти не найти у других людей его уровня – Цезаря или Фридриха II, пусть даже оба они написали труды, питавшиеся из того же источника, что и их военный гений. Разница между ними и Наполеоном была громадной. На это обратил внимание и Сент-Бёв, процитировав несколько строчек короля Пруссии, а затем сравнив их с тем, что Наполеон писал на ту же тему – о роли Провидения в делах людских. Король Пруссии вынес урок из неудач, постигших его в кампании 1757 г.: «Не кажется ли удивительным, что наиболее изысканное проявление человеческого благоразумия в соединении с силой столь часто терпит поражение от неожиданных событий или ударов судьбы? Не кажется ли, что есть некое *я не знаю что*, с презрением играющее людскими планами?»⁸⁷. Накануне похода 1812 г. Наполеон писал императору Александру. Напомнив о сложных моментах в отношении двух народов, он писал: «Тогда я понял, что жребий брошен, что невидимое Провидение, чьи права и чью власть я признаю, вынесло решение по этому делу, как и по многим другим»⁸⁸.

Комментарий Сент-Бёва: «Мысль та же самая; но в словах Наполеона одним ярким всполохом больше, это как будто таинственный отблеск Фаворского света, которого в мысли Фридриха никогда не было. Этот безупречный король не смог подняться на ступень выше, чтобы его чело осветил луч, золотящий и вместе с

⁸⁶ Thiers A. Compte-rendu des *Mémoires de Napoléon* // National. 1830. 24 juin.

⁸⁷ Œuvres de Frédéric le Grand. Berlin, 1846-1856. 32 vol. T. 5. P. 257.

⁸⁸ *Bonaparte N. Correspondance générale. Lettre n° 31068. T. 12. P. 788.*

тем ослепляющий». В своих текстах Фридрих стремился блеснуть «остроумием», от которого наполеоновская проза, «простая и обнаженная», свободна, являясь более краткой и емкой, чем труды самого Цезаря⁸⁹.

* * *

Нет ничего удивительного в том, что творчество Наполеона, черпавшее свою силу в действии, отражавшее само движение жизни, и не простой жизни, а жизни несравненной по своей интенсивности, надолго околдовало писателей. Его влияние испытали на себе все, кто принадлежал к романтическому поколению, и многие другие. С середины 1820-х гг. Беранже, Стендаль, Виньи, Гюго, Бальзак, Сент-Бёв – и этот список еще очень неполон – стали адептами культа императора. Всё XIX столетие жило под знаком героя, который перевернул мир и пронесся по нему как падающая звезда, оставляя за собой огненную полосу. Последние дни Прометея, прикованного к скале, затерянной в Атлантическом океане, роли не играли, лишь прибавляя дополнительный элемент к мифу и легенде. Люди были зачарованы всей эпопеей в целом – она демонстрировала мощнейшую энергию и свидетельствовала, что один-единственный человек может перевернуть весь мир, пусть даже это не принесет ничего хорошего. Эта эпопея вызывала восторг у людей еще и потому, что после 1815 г. она стала достоянием истории. Переход от Империи к Реставрации был очень резким. Сменился не только правящий режим; изменился весь мир. Все знакомы с портретом «беспокойного поколения», который написал Мюссе – этих ровесников века, росших в преклонении перед славой и так резко отброшенных в ничтожество, как будто будущее исчезло и время остановилось со смертью Наполеона. Что можно было сказать теперь, когда Наполеона не было? О чем говорить? С этим не мог не согласиться даже Шатобриан, хотя и сложно представить человека, менее чувствительного к «поэзии» этой столь романической жизни:

«Перевести взор от Бонапарта и Империи к тому, что последовало далее, – значит променять реальность на небытие, пасть с вершины горы в бездонную пропасть. Разве после изгнания Наполеона жизнь не прекратила течение свое? <...> Какой герой, кроме него, достоин нашего внимания? О ком и о чем вести речь, если не о нем? <...> Как назвать Людовика XVIII преемником императора? Я краснею при

⁸⁹ *Sainte-Beuve Ch.A. Op. cit. T. 3. P. 163. См. также: Ibid. P. 179–198.*

мысли, что мне придется *талдычить* о тысяче ничтожных тварей (к коим принадлежу и я сам), подозрительных и темных личностей, доживающих свои дни на земле после заката великого светила»⁹⁰.

Для многих молодых людей того времени литература стала убежищем и средством завоевать славу, которую до 1815 г. они искали бы на иных поприщах: молодежь 1789 г. искала славы в политике, а молодежь 1800 г. – в войне. «Я хочу быть Наполеоном или ничем!» – воскликнул юный Гюго. Как в литературе, так и в политике XIX век прошел под знаком великого отсутствия.

Единственный, кто не в полной мере поддался этой «религии», был именно тот, кто благодаря своим «Замогильным запискам» ближе всего подошел к осуществлению мечты пост-имперской молодежи. Как бы то ни было, Шатобриан отказался признавать свой долг перед эпохой, без которой автор «Гения христианства» никогда не развернулся бы, и, тем более, не смог бы, подобно Бонапарту, создавшему новый мир, начать новую литературную эпоху. Шатобриан решительно отказывался участвовать в культе Наполеона-писателя, не находя в его словах, письменных или устных, практически ничего, что принадлежало бы ему самому. Его стиль? «Красноречие победы» и ничто иное, причем ничего такого, чего нельзя было бы найти у многочисленных революционеров. С этой точки зрения Дантон и Сен-Жюст ничем не уступали Наполеону, а в глазах Шатобриана и превосходили его. Нельзя сказать, чтобы Сен-Жюст и Дантон в большей степени были писателями, чем Бонапарт, но они все вышли из единого формовочного цеха, Французской революции, и их энергичный стиль был ничем иным, как отражением и воплощением революционной энергии. По мнению Шатобриана, люди II года Республики, с их чеканными, смелыми, волевыми и отважными фразами, превосходили Наполеона, потому что верили в свои слова. Наполеон же, напротив, «шел наперекор этому вдохновению»; поэтому слова и записи Наполеона проникнуты неприятным ощущением неискренности и теряют в силе⁹¹. Этот был самый важный упрек, сделанный писателем императору: по его словам, Наполеон ни в чем не был искренним – ни в радостях, ни в разочарованиях, ни в любви, ни в гневе; все было рассчитано и разыграно как по нотам, ничто не шло от сердца, да он и не знал, есть ли у него сердце.

⁹⁰ Chateaubriand F.-R. de. Op. cit. T. 1. P. 1593.

⁹¹ Ibid. T. 1. P. 1535.

Это был актер, это был Тальма собственной одиссеи. Шатобриан это выразил так: «Жизнь Бонапарта – бесспорная истина, которую взялась описывать ложь»⁹². Что может быть более бессмысленным, чем обращать внимание на этот труд, основанный на лжи и фокусах? Письма? Но кто автор этих писем, и даже если это Наполеон, чего стоят тексты, которые являются всего лишь «рекламой, пропагандой и средством коммуникации»?⁹³ Мемуары?

«Что же до многочисленных томов, опубликованных под названием “Записки о Святой Елене”, “Наполеон в изгнании” и проч., и проч., и проч., то в книгах этих, записанных со слов Бонапарта или под его диктовку, попадаются прекрасные описания военных действий, проницательные суждения о некоторых лицах, но в конечном счете Наполеона занимало лишь желание написать свою апологию, оправдать свое прошлое, основываясь <...> на том, о чем он никогда не задумывался, когда события шли своим чередом. В этих компиляциях, где чередуются “за” и “против”, где каждое мнение можно и подкрепить ссылкой на авторитет, и решительно опровергнуть, трудно понять, что принадлежит Наполеону, а что – его секретарям. Возможно, каждому из своих помощников он высказывал новое мнение, дабы будущие читатели могли выбрать самый близкий им подход и создать много разных Наполеонов по своему вкусу»⁹⁴.

Хотя Шатобриан и признавал за императором некое величие, оно не имело ничего общего ни с литературой, ни с эпопеей. Это величие заключалось в нескольких месяцах Консульства, когда «герой» удовлетворял свое честолюбие тем, чего требовала эпоха – окончанием революции и переустройством общества. В то время Бонапарт, как настоящий французский Вашингтон, пожертвовал своими желаниями ради нужд времени⁹⁵; но он не мог довольствоваться этим успехом, и вскоре *необходимый человек* стал тем, кем он, в сущности, всегда был – авантюристом, чужаком, который не дорожил ничем, кроме собственного «романа». Убийством герцога Энгиенского он поставил вне закона как себя самого, так и всех французов, полностью освободился от интересов времени и принес свою эпоху и своих современников в жертву своим желаниям.

⁹² Ibid. T. 1. P. 1538.

⁹³ Fumaroli M. Le Poète et l'Empereur, et autres textes sur Chateaubriand. P., 2019. P. 25.

⁹⁴ Chateaubriand F.-R. de. Op. cit. T. 1. P. 1536.

⁹⁵ Ibid. T. 1. P. 1552-1553.

Обвиняя Наполеона в неискренности, Шатобриан был несправедлив к нему в той же степени, в какой Сент-Бёв будет несправедлив по отношению к самому Шатобриану, осыпав его точно такими же обвинениями. Если Сент-Бёв, потеряв голову от ненависти, порой заставлявшей его прибегать не к самым изысканным способам, чтобы принизить поэта, преувеличивал, нельзя сказать, чтобы его слова были полностью ошибочны. Наверное, его утверждение, что «Замогильные записки» проникнуты «проказой тщеславия» от начала до конца, звучит слишком сильно, но самолюбие Шатобриана и вправду порой отдает «ребячеством»⁹⁶. Несмотря на яркие эпизоды, эта «Жизнь Наполеона», вставленная в середину книги, безусловно, не является ни самым справедливым, ни даже самым информативным из многочисленных жизнеописаний Наполеона, увидевших свет в XIX в. Нет ни малейшей гарантии, что автор «Гения христианства» верил в Бога; нет ясного объяснения, почему он хлопнул дверью посольства в Риме после казни герцога Энгиенского; к тому же, он не рассказывал о том, как в начале 1800-х гг. обхаживал Первого консула. Он не был единственным, кто так поступил. Кто-то (возможно, и сам Шатобриан) надеялся, что правление Наполеона станет необходимым этапом на пути к реставрации Бурбонов, кто-то (как мадам де Сталь) ждал, что он создаст по-настоящему представительную форму правления – в любом случае много было тех, кто считал, что Наполеон должен сыграть роль Вашингтона и уйти на задний план после создания новой системы управления. Их альянс с Наполеоном продлился столько, сколько живут иллюзии.

Наполеон, мечтавший быть меценатом, был окружен писателями в меньшей степени, чем кто-либо из других великих государей. Среди его окружения было несколько писателей, сегодня забытых – например, драматург Арно, или Фонтан, поэт-вольтерьянец, под воздействием Революции, подобно многим другим, вернувшийся к религии, а при Наполеоне ставший великим магистром Университета. В то же время Лемерсье отказался от ордена Почетного легиона, Вольней поссорился со своим господином, и, когда пришел закат империи, все молодые дарования оказались на стороне короля. Это случилось отнюдь не из-за нехватки кандидатов на роль Аристотеля при новом Александре. Достаточно вспомнить

⁹⁶ *Sainte-Beuve Ch.A. Op. cit. T. 1. P. 442. О сомнительных действиях Сент-Бева см.: Giraud V. Sainte-Beuve et Chateaubriand // Revue d'histoire littéraire de la France. 1928. P. 441-444.*

госпожу де Сталь и Шатобриана, которые, прежде чем стать непримиримыми противниками, не щадили усилий, чтобы завоевать Наполеона. Госпожа де Сталь долго, вопреки всему, цеплялась за надежду, что «Бонапарт любит Просвещение», и, любя Просвещение, не может не любить ее саму⁹⁷. Она была сама недовольна своей неловкостью: «Что поделаешь, – жаловалась она Люсьену Бонапарту, – я становлюсь глупой в присутствии вашего брата, потому что слишком хочу ему понравиться»⁹⁸. А Шатобриан посвятил Первому консулу второе издание «Гения христианства»:

«Гражданин Первый консул, вы соблагволили взять под защиту это издание “Гения христианства”: вот новое свидетельство вашей благосклонности к славному делу, с триумфом побеждающему под эгидой вашего могущества. Нельзя не увидеть в вашей судьбе длань Провидения, давно уже избравшего вас для осуществления своих изумительных замыслов. Народы глядят на вас; Франция, приросшая благодаря вашим победам, возлагает на вас свои надежды с того часа, как вы сделали религию опорой основ государства и вашего успеха. Вы протянули тридцати миллионам христиан руку помощи: не лишайте их ее, они молятся за вас у подножия алтарей, которые вы им вернули»⁹⁹.

В награду, если можно так сказать, Шатобриан получил дипломатический пост в Риме, где ему пришлось выполнять множество мелких поручений дяди Бонапарта, епископа Феша. Подобная работа была ему несвойственна и непривычна. Казнь герцога Энгинского произошла как нельзя вовремя. Шатобриан, получивший новый пост в Вале, на место не прибыл, вместо этого хлопнув дверью. Путь госпожи де Сталь к оппозиционности оказался более продолжительным: несмотря на угрозы и полицейские придирки, она долго надеялась, что сможет убедить того, кто уже стал императором, превратиться, как она того хотела, в конституционного монарха. Гейне слегка преувеличивает: «Когда прекрасная дама поняла, что вся ее назойливость оказалась тщетной, она поступила так, как поступают в подобных ситуациях женщины: она бросилась душой и телом в объятия оппозиции, выступила против императора, против его грубого и лишнего всякой галантности

⁹⁷ Staël G. de. Correspondance générale. P.-Genève, 2009. T. 4. P. 302-303.

⁹⁸ Villefosse L. de, Bouissounouse J. L'Opposition à Napoléon. P., 1969. P. 147.

⁹⁹ Это, конечно, намек на конкордат. Berchet J.-C. Chateaubriand. P., 2012. P. 377-378.

О Шатобриане и Наполеоне см. недавнюю книгу: Duval-Stalla A. François-René de Chateaubriand – Napoléon Bonaparte : une histoire, deux gloires. P., 2015.

господства, и была столь несдержанна и громогласна в своих разглагольствованиях, что полиция, в конечном счете, прислала ей паспорт¹⁰⁰»¹⁰¹. В действительности Наполеон нес за это не меньшую ответственность, чем госпожа де Сталь. Нельзя считать, что он не мог, или не умел завоевать два великих ума своей эпохи; он попросту этого не захотел.

Он не считал, что нуждается в поэтах для воспевания своей эпопеи. Он взял это на себя самого, и справлялся довольно хорошо. Писателям он предпочитал композиторов, сочинявших ему оперы, и архитекторов, воздвигавших памятники в его честь. Впрочем, он вообще не доверял литераторам, склонным к неблагодарности и мятежным настроениям. Разве не очевидно, что именно философия подготовила Революцию и крушение королевского трона? Разве не писатели приобрели такую власть, что стали соперничать с королем? Разве не они провозгласили себя представителями «общественного мнения»? Именно XVIII век «короновал писателя», породив новую власть, которая, подобно папам римским 1000 года, претендовала на право судить самих государей¹⁰². Если обратиться к более прозаическим фактам, Наполеон был хорошо осведомлен о роли, которую играли второразрядные литераторы, журналисты и даже фигуры первого плана, такие, как Кондорсе или госпожа де Сталь. Дочь Неккера заставляла его думать о фрондерках XVII столетия, готовых предать Францию огню и мечу, лишь бы их герои покрыли себя славой. Наполеон не желал вновь открыть трибуну парламента, с которой в революционное десятилетие столь часто звучали чрезмерно щедрые обещания, и отказывался вернуть писателям политическую роль, которую они играли на протяжении последнего полувека. Его точка зрения не сильно отличалась от взглядов Токвиля на отношения литературы и политики в последние годы Старого порядка:

«Народу, который ее [революцию] совершил, писатели представили не только свои идеи, они передали ему свой темперамент и нрав. <...> Вся нация, читая их, приобрела в конце концов склонности, склад ума, вкусы и даже природные недостатки писавших; так что, когда у нее появилась возможность действовать, она перенесла все свои литературные привычки в политику. Когда изучаешь исто-

¹⁰⁰ То есть приказала покинуть страну. – *Прим. перев.*

¹⁰¹ *Heine H. De l'Allemagne. P., 1998. P. 427.*

¹⁰² *Bénichou P. Le Sacre de l'écrivain. P., 1973.*

рию нашей революции, становится ясно, что руководствовалась она тем же самым духом, который побудил к написанию стольких отвлеченных книг об образе правления. Та же тяга к общим теориям, законченным законодательным системам и точной симметрии в законах; то же пренебрежение к существующей действительности; та же вера в теорию; то же пристрастие к оригинальному, замысловатому и новому в установлениях. <...> Жуткое зрелище! Ибо то, что в писателе является достоинством, в государственном муже часто порок; и те же вещи, которые часто вызывали к жизни прекрасные книги, могут привести к великим революциям»¹⁰³.

Изгнание госпожи де Сталь, возмутительное в глазах столь многих, не имело иных причин. Но политическая осторожность Наполеона дорого ему обошлась. Высылка вдохновила автора «Коринны» на грозную обвинительную речь «Десяти лет изгнания», а Шатобриан порвал с Наполеоном, выступив на страницах *Mercure de France*. Это был всего лишь абзац в длинной рецензии на произведение Александра де Лабурда, посвященного Испании: «Когда гнусную тишину нарушает только лязг цепей раба да голос доносчика, когда все трепещут перед тираном, благосклонность которого так же опасна, как немилость, появляется историк, чье предназначение – отмстить за народы. Нерон еще благоденствует, но в империи уже родился Тацит»¹⁰⁴. В том же номере, 4 июля 1807 г., был опубликован бюллетень, сообщавший о победе под Фридландом. Наполеон был в зените своей власти; он мог бы легко проигнорировать эти строки или даже восхититься их совершенством. Но он велел пригрозить Шатобриану и запретил *Mercure de France*.

Император так и не смог снять с себя маску врага литературы и разума, которую надели на него госпожа де Сталь и Шатобриан. Наполеон мог призвать на помощь Монжа, Лапласа, Фонтена, Гро, Энгра, Давида, Жерара, Паизиелло, Лезюэра, Мегюля – знаменитых ученых, композиторов, художников и архитекторов, но они не могли соперничать с писателями, которых он сознательно от себя удалял. В своих «Замогильных записках» Шатобриан повторил, что разум был врагом Наполеона, поскольку сам Наполеон показал себя врагом разума:

«Литература, отражавшая новую эру <...> использовалась лишь оппозицией. Госпожой де Сталь, Бенжаменом Констаном, Лемерсье,

¹⁰³ *Tocqueville A. de. L'ancien Régime et la Révolution. P., 1986. P. 1040.*

¹⁰⁴ *Chateaubriand F.-R. de. Op. cit. T. 1. P. 946-947.*

Бональдом, мной, наконец. Перемены в литературе, которыми гордится XIX век, пришли к нему из эмиграции и изгнания. <...> Та часть человеческого духа, что занимается возвышенным, в одиночестве шагнула навстречу цивилизации. Увы, слава познания не осталась незапятнанной: Лапласы, Лагранжи, Монжи, Шаптали, Бертолле, все эти гении, некогда бывшие гордыми демократами, стали самыми угодливыми из слуг Наполеона. Следует воздать должное словесности: новая литература была свободна, а наука раболепна»¹⁰⁵.

Наполеон не позволил им сразу же обрести то политическое влияние, к которому они стремились, но он не мог помешать им завоевать свою империю, которая оказалась куда долговечнее его собственной. Не была ли жизнь госпожи де Сталь подобна «великой империи, которой она постоянно занималась, которую она, подобно другому завоевателю, своему современнику и угнетателю, беспрерывно пыталась увеличить и расширить»¹⁰⁶, империи духа, которая выдерживает сравнение разве что с «Замогильными записками», этой обширной поэмой, где жизнь автора и жизнь героя перекликаются и противостоят друг другу.

Процесс, начатый против императора госпожой де Сталь и Шатобрианом, как бы подтверждал, что, в сущности, Наполеон не до конца француз – иначе литература не подверглась бы гонениям при его власти. Есть логическая связь между этим обвинением и яростными нападками на несущего погибель «инострнца» в сочинении «От Буонапарте до Бурбонов». Именно по этой причине, как только окончился культ «народного Наполеона» первой половины XIX в., Наполеон утратил свой статус полноправного гражданина Литературной республики. Из поэзии его произведения превратились в прозу, причем прозу самого низкого пошиба: самовосхваление и пропаганду, манипуляцию и порабощение душ.

Перевел с французского языка А.Ю. Терещенко

REFERENCES

Bainville J. Napoléon. Paris, 2005.

Beaucour F. La dictée à Daru du plan de la campagne d'Austerlitz eut-elle lieu ? // *Revue de l'institut Napoléon*. 2002. № 185.

Bénichou P. Le Sacre de l'écrivain. Paris, 1973.

Berchet J.-C. Chateaubriand. Paris, 2012.

¹⁰⁵ Ibid. Т. 1. P. 800-801. Речь идет о поэте Непомосене Лемерсье (1771–1840).

¹⁰⁶ *Sainte-Beuve Ch.A.* Madame de Staël // *Portraits de femmes*. P., 1998. P. 128-129.

- Bergerot B.* Daru en son temps (1767-1829). Lille, 1979.
- Bonaparte J.* Mémoires et correspondance politique et militaire. Paris, 1853-1854. 10 vol. T. 1.
- Bonaparte N.* Clisson et Eugénie / Éd. É. Barthet, P. Hicks. Paris, 2007.
- Bonaparte N.* Correspondance générale. Paris, 2004-2018. 15 vol. T. 4.
- Bonaparte N.* Manuscrits inédits (1786-1791) / Éd. F. Masson, G. Biagi. Paris, 1907.
- Bourrienne L.-A. de.* Mémoires. Paris, 1831. 10 vol. T. 2.
- Boyer F.* Stendhal et les historiens de Napoléon // Éditions du Stendhal-Club (1922-1935). Genève, 1998.
- Chaptal J.-A.* Mes souvenirs sur Napoléon / Éd. P. Gueniffey. Paris, 2009.
- Chateaubriand F.-R. de.* Mémoires d'outre-tombe / Éd. J.-P. Clément Paris, 1997. 2 vol. T. 1.
- Correspondance de Napoléon Ier publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. Paris, 1869. 32 vol.
- Duval-Stalla A.* François-René de Chateaubriand – Napoléon Bonaparte : une histoire, deux gloires. Paris, 2015.
- Fain A. J.-F.* Mémoires. Paris, 1908.
- Fumaroli M.* Le Poète et l'Empereur, et autres textes sur Chateaubriand. Paris, 2019.
- Gaubert J.-P.* Las Cases, l'abeille de Napoléon. Carbonne, 2003.
- Giraud V.* Sainte-Beuve et Chateaubriand // Revue d'histoire littéraire de la France. 1928. 35e année. P. 441-444.
- Goethe J. W. von.* Conversations avec Eckermann / Éd. C. Roëls. Paris, 1988.
- Guillois A.* Les Bibliothèques particulières de l'empereur Napoléon. Paris, 1900.
- Heine H.* De l'Allemagne / Éd. P. Grappin. Paris, 1998.
- Jourquin J.* Écrire à Sainte-Hélène // Napoléon à Sainte-Hélène. La conquête de la mémoire. Catalogue de l'exposition. Paris, 2016.
- Kauffmann J.-P.* La Chambre noire de Longwood. Paris, 1997.
- Lamport J.J.* Goethe, Ossian and Werthe // Stafford F., Gaskill H. From Gaelic to Romantic. Ossianic Translations. Rodopi, 1998.
- Lanson G.* Histoire de la littérature française. Paris, 1895.
- Las Cases E de.* Mémorial de Sainte-Hélène. Paris, 2017.
- Lentz Th.* Introduction // Mémoires de Napoléon. Paris, 2010-2011. 3 vol. Vol.1.
- Leys S.* Quand vous viendrez me voir aux Antipodes. Paris, 2015.
- Macpherson J.* Œuvres d'Ossian. Paris, 2013.
- Madelin L.* Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 2003. T. 2.

- Martin A.* Napoléon écrivain, histoire d'une ambition manquée. Toulouse, 2003.
- Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène, par les généraux qui ont partagé sa captivité et publiés sur les manuscrits entièrement corrigés de la main de Napoléon. Paris, 1823-1825. 6 vol.
- Méneval C.-F. de.* Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon Ier. Paris, 1894. 3 vol. T. 2.
- Montherlant H. de.* Tous feux éteints. Paris, 1975.
- Montholon Ch. de.* Récits de la captivité de l'empereur Napoléon à Sainte-Hélène. Paris, 1846. 2 vol. T. 1.
- Œuvres de Frédéric le Grand / Éd. J. D. E. Preuss. Berlin, 1846-1856. 32 vol. T. 5.
- Pasquier É.-D.* Mémoires. Paris, 1893-1895. 6 vol. T. 1.
- Périvier A.* Napoléon journaliste. Paris, 1918.
- Prévost J.* Introduction // Las Cases E de. Mémorial de Sainte-Hélène. Paris, 1956. 2 vol. T. 1.
- Sainte-Beuve Ch.A.* Causeries du lundi. Paris, 1858-1872. 16 vol. T. 1.
- Sainte-Beuve Ch.A.* Madame de Staël // Portraits de femmes. Paris, 1998.
- Simiot B.* De quoi vivait Bonaparte. Paris, 1952.
- Staël G. de.* Considérations sur les principaux événements de la Révolution française / Éd. J. Godechot. Paris, 1983.
- Staël G. de.* Correspondance générale. Paris, Genève, 2009. 7 vol. T. 4.
- Staël G. de.* De la littérature / Éd. G. Gengembre, J. Goldzink, Paris, 1991.
- Stendhal F.* Mémoires d'un touriste / Éd. V. Del Litto. Paris, 2014.
- Stendhal F.* Mémoires sur Napoléon / Éd. H Martineau. Paris, 1930.
- Thibaudet A.* Histoire de la littérature française. Paris, 1936.
- Thiers A.* Compte-rendu des Mémoires de Napoléon // Le National. 1830. 24 juin.
- Thiers A.* Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1845-1862. 20 vol. T. 5.
- Tocqueville A. de.* L'Ancien Régime et la Révolution / Éd. J.-C. Lamberti, F. Mélonio. Paris, 1986.
- Tomiche N.* Napoléon écrivain. Paris, 1952.
- Tulard J.* Introduction // Œuvres littéraires et écrits militaires de Napoléon. Paris, 2001. 3 vol. T. 1.
- Van Thiegem P.* Ossian en France. Paris, 1917. 2 vol. T. 2.
- Vial Ch.-É.* Les livres à la guerre : les bibliothèques portatives de Napoléon Ier // Bulletin du bibliophile. 2012. № 2. P. 305-341.
- Vial Ch.-É.* Napoléon à Sainte-Hélène, l'encre de l'exil. Paris, 2018.

Villefosse L. de, Bouissounouse J. L'Opposition à Napoléon. Paris, 1969.

Wairy C. Mémoires intimes sur Napoléon Ier / Éd. M. Dernelle, 2002. 2 vol.
Т. 1.

Wimet P.-A. Napoléon a-t-il dicté à Daru le plan de la campagne de 1805? //
Revue de l'Institut Napoléon. 1971.

Генифе Патрис

доктор истории
главный научный сотрудник
Высшая школа
социальных исследований
Франция, Париж, 75006,
бул. Распай, 54
e-mail: patrice.gueniffey@gmail.com

Gueniffey, Patrice

Dr. Hab. (History), directeur d'études
L'École des hautes études
en sciences sociales
54 boulevard Raspail, 75006 Paris, France
e-mail: patrice.gueniffey@gmail.com